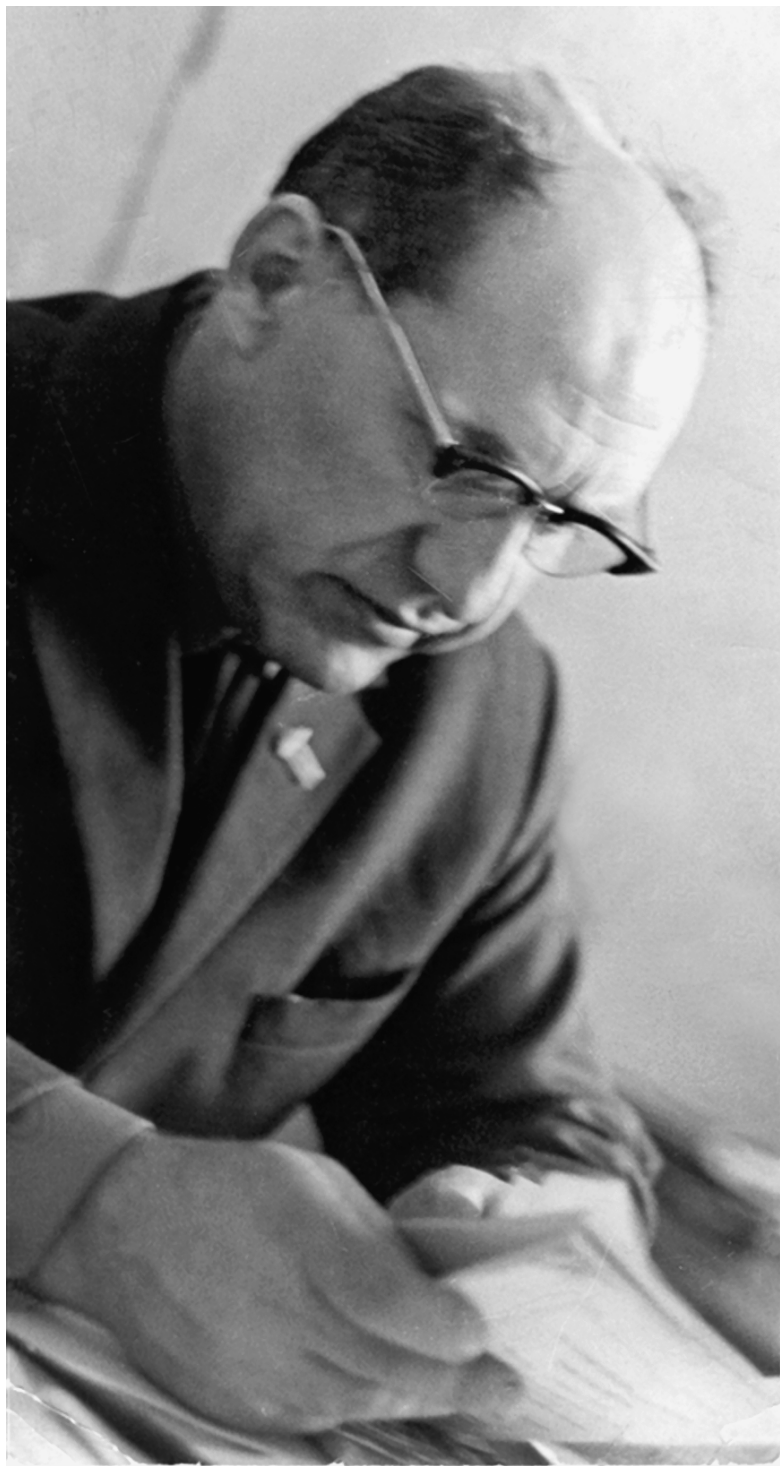
Главный экзамен



Михаил Яковлевич Забегай, чьим материалом мы открываем цикл публикаций воспоминаний участников войны, хорошо известен читателям старшего поколения. Он работал в газете «Красный Курган» («Советское Зауралье») с конца 40-х до конца 80-х прошлого века, прославился как автор злободневнейших фельетонов. С 1987 года живёт в Америке, недавно ему исполнилось 92 года, но он по-прежнему пишет и поддерживает тесную связь с газетой.

Последние довоенные месяцы и недели… По направлению Дзержинского райвоенкомата г. Харькова зачислен курсантом Харьковского танкового училища им. Сталина.

Знакомлюсь с окружением, рядом такие же молодые ребята, как и я. Строем выходим на центральную площадь училища. Минуты ожидания важного сообщения по радио. Выступает народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов.

На мой взгляд, молодёжь спокойно восприняла страшную весть: «Война!». Ни умом, ни сердцем мы не поняли, не осознали сразу, какая угроза нависла над нашей страной, что ждёт каждого из нас, наши родные места, самых близких нам людей…

– С такой техникой, что на вооружении нашей армии, война ненадолго, – бросает кто-то на ходу.

– Время покажет, – отзывается сосед.

Молча, взволнованные, идём на постоpенние.

Таким был для меня и моих новых друзей памятный день 22 июня 1941 года, день, предвещающий огромное человеческое горе и невыносимые страдания, первый день Великой Отечественной войны.

Месяц за месяцем напряженной учёбы, до минимума сокращены занятия по марксизму-ленинизму. Предпочтение отдаётся практическим занятиям по изучению материальной части машин, боевой техники. Получить увольнительную в город – проблема. Меня отпускают на несколько часов проводить в армию двоюродного брата Александра. Он-то меня и вызвал в Харьков из забытого Богом белорусского местечка Хотимск, где я уже работал в районной газете.

Привокзальный перрон Харьковского вокзала забит провожающими. Море прощальных слёз и поцелуев. Шурочка с малолеткой-дочуркой не отстают от любимого папы. Прощальный гудок паровоза. Я провожаю опухшую от слёз мать с ребёнком и возвращаюсь на Холодную Гору, в училище.

Сводки информбюро волнуют и пугают. Враг вторгся на территорию страны, большая её часть под пятой у немцев.

Училище готовят к эвакуации.

По тревоге погружаемся в большегрузные автомобили. Едем недолго, машины возвращаются в город за другой партией курсантов.

Марш-бросок пешком до железнодорожной станции Валуйки. Здесь нас ждёт товарняк.

Состав берёт курс на Красноводск. Пароходом переправляемся в Баку. Конечный пункт следования – г. Ташкент, точнее, его пригород Чирчик.

Нас тепло и заботливо встречает Узбекистан. Всё подготовлено для нормальных занятий.

Июль 1942 года. Пламя войны бушует вовсю. Курсантов небольшими группами направляют в воинские части действующей армии. Для нашей группы конечная остановка – Сталинград.

Остались позади месяцы напряженной учёбы, гостеприимный Чирчик, представивший эвакуированному военному училищу всё необходимое для нормальной работы, тихие вечера далёкого тыла.

Вливаемся в состав действующей армии.

Тревожная обстановка прифронтовой полосы, строжайшая дисциплина.

Мы – часть состава действующей армии.

Зной, жара, которых давно не видели местные степные края. Ни облачка, ни дождика. Тяжелым колосом наливаются хлеба, но им не суждено наполнить колхозные и совхозные закрома.

Мы в ожидании чего-то необыкновенного, большого, тревожного.

В военных сводках всё чаще мелькают названия местных населённых пунктов. Фашистские полчища рвутся к Волге. На военных картах появляется новое направление – Сталинградский фронт.

Наш 235-й батальон 6-й танковой бригады получает пополнение. Меня зачисляют в один из его танковых экипажей.

Первые бои

Первый бой. Море огня, пыль, дым, скрежет гусениц танков. Чётко вижу через триплекс устремлённые на нас вражеские жерла орудий. Завязывается схватка с врагом. Один за другим из наших «тридцатьчетвёрок» в фашистов летят снаряды. В ответ получаем не меньше.

Минуты затишья.

Остаёмся на занятых позициях. Быть может, это был мой самый главный экзамен в жизни!

Выстояли! Живы, радуемся голубому небу. Командир подбадривает новичков, интересуется самочувствием, настроением.

Короткая передышка перед новым боем. В такие минуты чего только не вспомнишь, о чем не подумаешь. Сердце изнывает от боли за судьбу матери, прикованного к постели парализованного отчима. Из-за него она не могла покинуть родные края.

Из рук в руки ходят газеты «Правда», «Красная Звезда» со статьями И. Эренбурга, В. Гроссмана, К. Симонова о зверствах фашистов на оккупированной территории. Мог ли я тогда знать, что в эти самые дни, когда мы с друзьями сражаемся в Сталинграде, моя мать и сотни моих земляков томятся в фашистских застенках, над ними готовится зверская расправа.

Кровь стынет в жилах от оперативно опубликованных корреспонденций журналиста и писателя Константина Симонова по следам событий. Приведу выдержки из его статьи «На старой смоленской дороге» в газете «Красная Звезда»:

«… Начинать войну мне приходилось здесь, на этих дорогах, и горечь утраты родной земли застигла меня именно здесь, на Смоленщине. Здесь я проезжал через деревни и знал, что через час по этим пыльным дорогам пройдут немцы…

Земли Смоленщины стали пустыней, редко-редко на дороге попадётся согнувшаяся старуха, везущая за собой санки, на которых сложены два узла и торчит крышка самовара.

Проезжаем одну деревню за другой, и те, кто остались живы, стоят посреди своих опустевших дворов, над развалинами своих изб. И даже позы у людей какие-то одинаковые: безмолвное недоумение, взгляд, ищущий хотя бы следы жилищ, хотя бы следы того, что здесь когда-то было…»

Когда я работал над этими воспоминаниями в надежде на их публикацию в родной газете, мне припомнилась горестная правдивая история, рассказанная моей супругой Галиной Лазаревной Миркиной, многократно повторявшаяся за нашим семейным столом, о гибели жителей деревни Хотиловка.

Вырвавшись из цепких лап хозяев гетто, Галя Миркина искала пути-дороги к партизанам. Она не помнила названий всех прилесных деревень, вокруг которых они с сестрёнкой ходили, бегали, прятались, но одна деревня с простым названием Хотиловка запомнилась навсегда. На её окраине их встретил, задыхаясь от бега, чернобородый крестьянин.

– Будет беда, – сообщил он, волнуясь. – В деревню привезли убитого фашиста. Фрицы озверели. Убегайте, дети! Прячьтесь, убегайте подальше в лес!

В то утро лес казался оголенным и нешумным, вот поэтому, спрятавшись в глубине, девочки стали свидетелями трагедии.

Враг решил отомстить за убитого. Громко, на чисто русском языке прозвучало:

– Чёртова дюжина! – это был голос местного полицая.

– Чёртова дюжина! Чёртова дюжина! – заорали сопровождавшие его фашисты.

Тринадцать женщин с маленькими детьми пригнали каратели на окраину деревни. Несчастные женщины прикрывали ребятишек большими хустами (так называли местные жители деревенские домотканые пледы).

Тринадцать залпов оборвали жизнь ни в чём не повинных людей. Пухом им земля!..

23 августа 1942 года

Как-то на встрече с учащимися одной из курганских школ меня спросили, какой день войны был для меня самым памятным?

А был ли он, этот единственный памятный? Все те 78 дней и ночей, которые я провёл на передовой, непосредственно в боевой обстановке, оставили в сердце свои зарубки. Но день 23 августа 1942 года забыть невозможно. Это был «…последний час Сталинграда, того Сталинграда, который был до войны».

Первые эшелоны самолётов появились после обеда. Гудение моторов становилось всё сильнее, гуще, тягучей. Немцы шли в несколько этажей, заняв весь голубой объем летнего неба. Самолёты, пришедшие с востока и запада, с севера и юга, встретились над городом и пошли на снижение. В дыму, пыли, огне, среди грохота, сотрясавшего небо, воду и землю, погибал огромный город.

Но Сталинград продолжал жить и бороться.

Михаил Забегай.
Филадельфия, США.
Специально для газеты «Новый мир».

Продолжение следует.